

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ
СВЕРДЛОВСК

г. Свердловск

Посвящается народному артисту РСФСР Марку Израилевичу Паверману, чье 70-летие отмечается сегодня в зале Свердловской филармонии.

ДИРИЖЕРСКАЯ ПАЛОЧКА

Новелла

У КАЖДОГО человека есть дорогие ему вещи. Мы отдаем им свою душу, и они оживают, становятся как бы частью нас, хоть это порою самые простые, обыкновенные вещи. Об одной из дорогих мне вещей я хочу рассказать. Наверное, потому, что, понимая вещи, мы лучше понимаем людей.

Поверьте, большего несоответствия вида и сути этой палочки с утолщением на одном конце и тоньше, чем вязальная спица, на другом, я не знаю.

Я только что достал ее из шкафа, где она лежала. Я редко достаю ее оттуда, потому что там ее постоянное место. Палочка почти невесомая и уж очень хрупкая. Настолько хрупкая, что и держать-то ее в руках страшно.

Обыкновенная деревянная палочка.

Необыкновенная деревянная палочка.

Я беру ее и удивляюсь силе, в ней заложенной. Нет! Силе, которую она занимала у дирижерской руки.

Дирижер, бывший хозяин этой палочки, красив. Его голова словно создана Ваятелем...

Вам не приходилось замечать, что около нас немало далеких людей, ставших нам близкими? К таким людям я отношу и этого дирижера. С ним-то и связана история моей палочки.

Бетховенские мелодии в тот памятный мне симфонический концерт организовывала в совершенную красоту другая, инкрустированная дирижерская палочка. Хотелось бы создать словесное *тутти* в честь той дирижерской палочки, мелькавшей тогда в ровном свете эстрады, заполненной оркестрантами, подчинявшимися ее легким, но властным влечам.

Громада созвучий то металась рывками к потолку, как бы ища выхода из просторно-

го с полуколоннами зала, то вдруг, словно поняв, что выхода нет, присмирившая плыла над партнером так тихо и плавно, что казалась осязаемой.

«Музыка помогает думать». Так, кажется, сказал Стендаль? Она никогда не отвлекает нас от себя. Если это подлинная музыка.

Успех того бетховенского вечера был необычайным! И публика, и оркестранты переживали потрясение музыкой! Зал был наэлектризован Вдохновением.

Желание пойти к Дирижеру возникло у меня и стало недолимым в конце программы, когда мощь оркестра была усилена хором, исполнявшим шиллеровскую оду «К радости!». Мне думалось в те минуты о людях ушедших, о людях живущих и о людях, которым предстоит жить уже после нас.

Обнимитесь, миллионы!

Слетесь в радости одной!

Плеск аплодисментов стал, наконец, затихать. Я бросился за кулисы и очутился в мажорной суеде артистов.

Дирижер, держа в одной руке дирижерскую палочку, (тут-то я и увидел, что она инкрустирована), другою смахивая бисеринки пота со лба, с кем-то беседовал, еще не совсем сбросив с себя латы властелина оркестра.

Я знал его по двум-трем встречам.

Первая была уж очень необычайной.

В мою комнату, полутемную и тесную, он вошел неожиданно. Высокий, чуть сутуловатый (на эстраде ранее я никогда этого не замечал). Знавший его по концертам, поклонявшийся ему, я был немало смущен. Все объяснилось просто: дело касалось его сына, с которым я вечером должен был увидеться в студенческом театре.

— Я папа такого-то... Он болен и просил передать, что прийти вечером, к сожалению, не сможет.

Заметьте: не «я такой-то», а «я папа такого-то»...

Но вернемся к рассказу. Суতোлка за кулисами прекратилась. Дирижер увидел меня.

— И вы тут?

В ответ — неожиданно, пожалуй, и для самого себя — я выпалил, что хотел бы иметь на память его дирижерскую палочку.

Он был, казалось, смущен.

— Это подарок, — сказал он, показывая мне инкрустированную палочку. — Но... подождите!..

Он ушел в свою артистическую и тут же вернулся. В его руках была уже другая, обыкновенная дирижерская палочка.

— Эту, пожалуйста. Я с ней немало ездил. И репетицию сегодняшней программы я вел тоже с нею.

Он пожал мне руку.

На улице я боялся столкнуться с прохожими, боялся упасть. Хрупкая, не очень прямая дирижерская палочка (это я заметил, рассматривая ее под фонарем) была в моих руках.

Сейчас она на столе передо мною, лежит на разбросанных белых листах бумаги. А я думаю о Дирижере.

В ночь перед репетицией бетховенского вечера он впервые в жизни (я знаю об этом от его сына) проснулся ночью от короткой боли в сердце.

Дирижерская палочка этого не знает.

А может — знает? Бетховенский вечер репетировал-то он с нею? И разве это не единое целое — дирижерская палочка и сердце Дирижера, дарящие нам вдохновенные и до конца жизни памятные минуты Единения людей?

В. БАЛАШОВ.